

ния классиков художественной литературы (в частности, опытом академического издания сочинений А. С. Пушкина). Редакция и коллектив участников издания опирались на работу, проделанную в советские годы в области изучения гоголевского текста, в области изучения биографии Гоголя, его мировоззрения и творчества. Существенную помощь при подготовке академического издания оказали также достижения нашей архивной и библиографической науки.

Для того чтобы дать отчетливое представление о тех задачах, которые стояли перед редакторами академического издания сочинений Гоголя, необходимо остановиться на некоторых специфических особенностях истории гоголевского текста.

Произведения Гоголя, как и других великих русских писателей XIX в., немало пострадали от цензурного вмешательства. Так, Гоголь писал Пушкину в декабре 1834 г., что из «Записок сумасшедшего», которые цензура едва не запретила полностью, выкинуты лучшие места. Почти во всех произведениях Гоголя остались следы произвола николаевской цензуры.

К этому следует присоединить еще и другое обстоятельство. Первое собрание сочинений Гоголя в четырех томах, вышедшее при жизни Гоголя в 1842 г., печаталось после отъезда Гоголя за границу. В него вошли все опубликованные к этому времени художественные произведения Гоголя, кроме первого тома «Мертвых душ» и нескольких ранних отрывков. Некоторые произведения («Театральный разъезд», «Шинель» и др.) появились в этом издании впервые. Уезжая из Петербурга, Гоголь поручил наблюдение над изданием сочинений своему бывшему товарищу по Нежинской гимназии высших наук, преподавателю русского языка в кадетском корпусе Н. Я. Прокоповичу, человеку, причастному к литературе и связанному с кругом Белинского. Гоголь просил Прокоповича взять на себя не только обычную корректуру: он дал ему широкие полномочия исправлять по своему усмотрению ошибки, вкравшиеся в текст произведений по вине переписчиков, а также исправлять (там, где Прокопович найдет это нужным) язык и стиль самого Гоголя. «При корректуре второго тома, — писал по этому поводу Гоголь Прокоповичу из Гастейна 27 (15) июля 1842 г., — прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в Тарасе Бульбе много есть погрешностей писца. Он часто любит букву и; где она не у места, там ее выбрось. В двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуйста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо — все будет хорошо».

Просьба Гоголя, обращенная к Прокоповичу об «исправлении» его языка и стиля, имела свои причины, связанные с общественно-литературной борьбой, развернувшейся к этому времени вокруг произведений Гоголя. В борьбе против реализма Гоголя представители реакционной критики Греч, Сенковский и др. выдвигали по адресу Гоголя обвинения в нарушении установленных лексических и грамматических норм. Особенности языка и слога Гоголя, которые сложились на основе общенародного языка, реакционная критика противопоставляла условный, «гладкий» салонно-аристократический жаргон или мертвую, безличную правильность тогдашней школьной грамматики, пропитанной казенно-канцелярским духом. Упреки реакционной критики в «незнании языка» и «отсутствии слога» и заставили Гоголя обратиться к Прокоповичу с просьбой о просмотре его сочинений с точки зрения грамматики и о смягчении некоторых индивидуальных особенностей языка там, где тот найдет это нужным.

Прокопович, стремившийся отнять у враждебной Гоголю критики почву для всяких обвинений по адресу Гоголя в «неправильности» языка, сравнительно широко воспользовался правом, предоставленным ему Гоголем. Прокопович внес изменения не только в орфографию и пунктуацию: он